

Хава-ля

Ренат БЕККИН

РОМАН

Соленый огурец в аэропорту Джибути, или Кто летит в Могадишо

Кто умеет говорить, тот не пропадет и в засуху.
Сомалийская поговорка

Компания Daallo Airlines — пожалуй, то небольшое, что кроме сомалийского языка и невеселых воспоминаний о диктаторе Сиаде Барре в наши дни объединяет расколотые части когда-то единого государства Сомали.

Наш вылет из Эмиратов задержали почти на час скорее по организационным, чем техническим причинам. Номера мест на посадочном талоне не были обозначены, и все пассажиры садились, кто где успел. Рядом со мной, поджав ноги, примостился долговязый, подобно большинству сомалийцев, парень. Английский он решительно отказывался понимать, и я заговорил с ним по-арабски. Как мог. Мы толковали о Сомали и сложностях арабского языка, который Мохаммед учил в одном из медресе Харгейсы. Он не советовал ехать в Джибути: там все дорого, а люди злые. Где-то я уже слышал про злых людей...

— А в Сомали люди хорошие? — спросил я после образовавшейся паузы.

— Конечно! — вскричал Мохаммед. — Добрее людей нет в целом свете.

— А как же война? Разве она не делает людей злыми? Если ты добрый, то другие обязательно убьют тебя.

— Я приведу тебе один пример. У меня есть дядя. Некоторые люди считают его пиратом, но добрее его я не видел человека.

— Почему же его тогда считают пиратом?

— Спроси об этом у тех, кто так говорит. Мой дядя — честный рыбак из Босасо. Всю жизнь он ловил рыбу. Ловил, продавал и ел. Но он взялся за оружие, когда чужаки стали рыбачить в наших водах. Представляешь, к тебе домой придут люди и начнут доить твоих коров, хозяйничать. Что ты будешь делать?

— Ну, не знаю. Прогоню их, наверное.

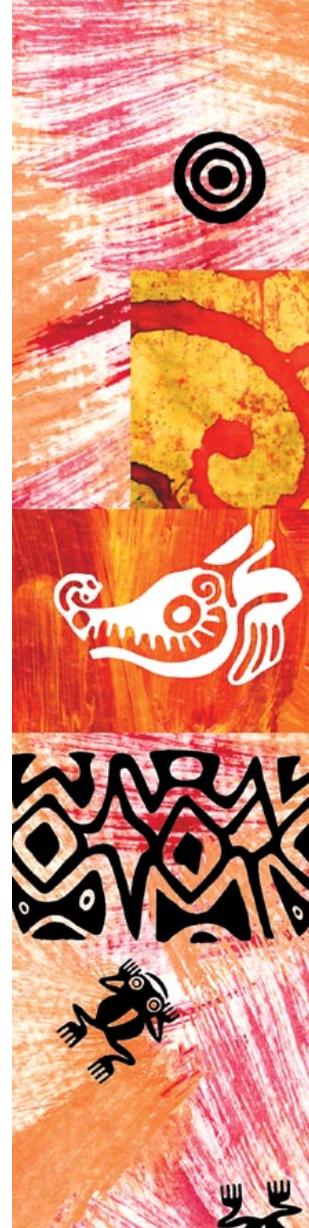
— Вот и дядя тоже взялся за оружие, когда чужие стали ловить рыбу в наших водах. Он их пальцем не тронул! Он только приходил к ним на корабль и говорил: платите деньги и ловите, пожалуйста, на здоровье. Но они не хотели платить, смеялись. И тогда дядя брал их в плен, чтобы они хорошо думали... Потом за них давали деньги, но уже больше, чем он просил раньше. Мой дядя — не пират, он справедливый. Как бы ты поступил на его месте?

— На его месте я бы поступил даже более жестоко, — с готовностью поддержал я Мохаммеда, слова которого показались мне правдивыми.

Окончание.

Начало см.

в № 1, 2012 г.

Иллюстрации: Наталья ГВОЗДЕВА

¹ Пожалуйста, не верьте сомалийцам. Им нужна только ваша кровь — мужчинам и женщинам. Это подтверждается индийцем. Я — индиец (искаж. англ.).

Первое, что я увидел, спустившись с трапа в международном аэропорту Джибути — Амбули, — огромный соленый огурец на еще не успевшем нагреться асфальте. Что он здесь делает?.. Выстроив простейший ассоциативный ряд, я очень скоро пришел к выводу, что огурец этот служил закуской нашим пилотам, возможно, даже тем, которые через пару часов повезут меня в Харгейсу. Не джибутийцы же, в конце концов, ели — не доели этот овощ!

Зал для транзитных пассажиров международного аэропорта Джибути имел чудовищное сходство с привокзальным помещением в Богом забытой российской глубинке. Ряды металлических стульев с облупившейся краской друг напротив друга, обшарпанные стены, тусклое освещение, назойливые мухи, буфетчик, с недовольным лицом наливающий подозрительно пахнущий кофе.

Давно не убиравшийся никем туалет лишь дополнял картину запустения. Я обнаружил важное предупреждение, написанное синими чернилами на внутренней стороне двери: «Please don't believe any Somalian peoples. They need your blood only, even Ladies and Jents. It is witnessing by an Indian man. I am an Indian man»¹.

Учитывая цель моего путешествия, я не мог оставить без внимания это сообщение. Неужели за милой оболочкой Хавы таится жестокий кровосос?

После прохождения через недоверчивый металлоискатель с третьей попытки и проверки багажа меня ждало такое же бездейтельное ожидание, разве что зал оказался несколько чище. На плакате был изображен перечеркнутый красными полосками огромный пучок какого-то растения — вроде того, что я видел в руках Хавы, когда на нее напали собаки. Под плакатом сидел поджарый бородач с пустым взглядом, методично пережевывавший изображенные на рисунке зеленые листья. Когда бородач в очередной раз открыл рот, я увидел его розовый язык. Такого же цвета был язык у Хавы.

— Что это такое? — спросил я по-английски сидевшего рядом парня — судя по внешности, сомалийца.

— Как что? — изумился он. — *Kam!* Это такая магическая трава, которая делает человека веселым и сильным.

Так вот почему Хава чуть не оторвала тому мужичонке руку, когда он схватил ее листочки!..

Когда я увидел Ил-18, на котором мне предстояло лететь в Харгейсу, я подумал, что этот самый *кат* в данном случае не роскошь, а лекарство, примиряющее с действительностью и помогающее смириться с НЕИЗБЕЖНЫМ. Если верить угрюмым неразговорчивым летчикам, нисколько не изумившимся человеку, заговорившему с ними по-русски, самолет этот был 1960 года выпуска.

Подле меня тихо опустился в кресло худой волоокий индийский юноша. Мы были единственными неафриканцами в самолете. Я вспомнил надпись в туалете и улыбнулся. Мою улыбку индиец воспринял как приглашение к диалогу.

— Никто из нашей компании не хотел ехать, — сказал Кумар. — Только я один и согласился. Друзья смеялись надо мной...

Странные люди — индийцы. Что же тут смешного? Человек отправился в самый ад, рискуя жизнью. Я снова вспомнил надпись в туалете и рассказал о ней Кумару. На лице инженера появилась улыбка.

— Да, я тоже читал эту надпись.

— Не боишься?

— Поздно уже бояться.

— Это верно. Наверное, такой риск стоит больших денег?

Кумар виновато улыбнулся и опустил глаза.

Прежде чем направиться к крохотному зданию аэропорта Харгейсы, где меня должен был ждать Саид, я оглянулся. Командир экипажа и бортмеханик суетились вокруг шасси.

Через полчаса, а может быть и раньше, они снова поднимутся в небо на древнем, не знающем покоя самолете, оставив на еще не успевшем нагреться сером асфальте очередной недоенный соленый огурец. Наверное, это такая примета у летчиков...

Общество чистых тарелок

*Моча убивает того, у кого слабые почки.
Сомалийская поговорка*

В не столь отдаленные времена аэропорт Харгейсы служил военной авиабазой, откуда обученные советскими специалистами сомалийские пилоты на советской технике отправлялись, помолвившись Аллаху, бомбить Огаден. А потом, если их, по счастливой случайности, не сбивали советские летчики на американских самолетах, доставшихся эфиопам от былой дружбы со Штатами, благополучно возвращались обратно. Ближе к концу войны эфиопские ВВС хорошенько вдарили по тосковавшим на базе самолетах и по самой Харгейсе. То, что не успели уничтожить эфиопы, после войны расколошматили земляки, выполнявшие приказ Сиада Барре, который задумал таким образом наказать северные кланы за неповиновение.

Аэропорт, да и сам город были разрушены до основания. В результате бомбежек целыми в Харгейсе осталось не более пятнадцати процентов строений. Но за шестнадцать лет относительного спокойствия жизнь наладилась, и модернизированный аэропорт стал служить не столько военным, сколько гражданским целям.

Аэропорт Харгейсы носит имя Мохаммеда Хаджи Ибрахима Эгаля. Его карьера оказалась более успешной после раскола страны, чем во времена единства. Встречаются такие люди, чьи способности наилучшим образом проявляются не в дни благополучия, а в критические моменты. Именно на посту президента Сомалиленда он заслужил добрую память сограждан, когда во время смуты смог поставить на место бунтовщиков, захвативших многотрапальный аэропорт Харгейсы, в котором я имел счастье приземлиться после долгой, изматывающей дороги.

Выходит, немалая заслуга в том, что моя поездка к возлюбленной все-таки состоялась, принадлежит не только профессору Пальцеву и господину Хандуле, но и покойному президенту Эгалю, превратившему Сомалиленд в самое безопасное место на Сомалийском полуострове.

У входа в одноэтажное здание аэропорта Харгейсы меня уже ждал улыбчивый усач Саид. Он был одет в белые брюки и клетчатую рубашку. Я без труда опознал его: до моего отъезда мы успели обменяться парой писем и прислать друг другу наши фотографии, чтобы, не дай Бог, не потерять друг друга при встрече. Наши опасения оказались напрасными: я был единственным белым среди пассажиров нашего самолета...

Обмениваясь любезностями, мы с Саидом подошли к пункту пограничного и одновременно таможенного контроля, представлявшему собой две стоящие рядом кабинки, отгороженные от остального мира стеклом.

Попасть в страну оказалось не так просто, как заверял меня господин Хандуле. То, что Его Превосходительство давно не был на своей малой родине, я почувствовал буквально в первые минуты пребывания на сомалилендской земле. Еще в Москве у меня вызвала большое недоверие присланная мне по электронной почте «виза», представлявшая собой копию едва различимого текста на сомалийском языке с печатью. Ну, ладно, Африка все-таки, успокаивал я себя. К ним никто не ездит, вот потому и визы такие странные.

Как я уже говорил выше, господин Хандуле также снабдил меня еще более нелепо выглядящей визой Сомали, представлявшей собой 1,5 листа формата А4, — на случай, если я надумаю лететь в Могадишо или Пунтленд. Следуя совету Хандуле, я подальше запрятал сомалийскую визу...

В аэропорту Харгейсы со свежеприбывших, независимо от их гражданства и цвета кожи, взимали своеобразный косвенный налог. Каждый въезжающий в страну должен был

поменять на местную валюту 50 долларов по курсу, который был ровно в два раза ниже рыночного. Этим мудреным способом государство фактически собирало въездной сбор в размере 25 долларов.

Уплатив положенную сумму, можно было перейти с паспортом к следующей кабинке. Несколько минут я наблюдал за усатым полицейским в песочного цвета форме, который изучал мой паспорт и распечатку того, что я искренне считал визой. Я спросил его, что случилось, но вместо ответа усатый встал и, не слушая меня, куда-то ушел с моим документом. Благо, рядом был Саид. Выяснилось, что моя виза — никакая не виза, а так, бумажка, и мне требуется еще какой-то документ, о котором я даже не слышал. Саид сказал пару ласковых слов в адрес Хандуле на смеси сомалийского и английского, перевод которых я не стал у него уточнять, и мы помчались в город, в местное Министерство внутренних дел за нужной бумагой.

Приближался полдень, но мне было комфортно: не жарко и не холодно. Саид объяснил мне, что все дело здесь в географии: кругом горы, а сам город расположен на высоте, превышающей 1400 метров над уровнем моря.

— На побережье сейчас пекло, — сказал он.

Отобранный паспорт, конечно, несколько расстроил меня, но как любитель абсурда и парадоксов я не мог не оценить того, что только что произошло со мной: меня отправили в министерство, находившееся в центре столицы страны, в которую меня не пустили.

Само слово «Харгейса» буквально означает «место, где берут шкуры для продажи». Основателем города считается шейх Мадар, устроивший в середине девятнадцатого века на месте пересечения торговых дорог поселение. На окраине города расположен мавзолей шейха.

Долгое время Харгейса была одним из населенных пунктов, куда кочевники заходили, чтобы приобрести необходимые товары и узнать новости за чашкой чая. Звездный час Харгейсы наступил в годы Второй мировой войны. В 1941 году сюда был перенесен административный центр Британского Сомалиленда из приморской Берберы, сильно пострадавшей от захвативших ее годом ранее итальянцев. Для последних захват Сомалиленда стал единственной удачной военной операцией за всю войну.

Когда Сомалиленд получил независимость в июне 1960 года, вопрос о том, где находится столице государства, уже не стоял. Да и какой смысл было спорить об этом, если все знали, что через пять дней не будет никакого самостоятельного Сомалиленда. Столичные функции в едином Сомали отходили Могадишо. Харгейсе пришлось ждать еще три десятилетия, чтобы вновь стать главным городом.

Первое, что приковало мое внимание в Харгейсе, — отсутствие дорожных знаков и светофоров. Вместо них на оживленных перекрестках стояли регулировщики, одетые, как правило, в желтую форму полицейских. Они беспрестанно размахивали руками и свистели в воткнутый в рот свисток. За неимением жезла всю работу им приходится выполнять руками: ты направо поезжай, ты — налево, а ты, сын греха, — прямо.

Если где-нибудь случается ДТП, посмотреть на него слетаются все, кто оказался поблизости. В бедной на события Харгейсе авария на дороге уступает по значимости разве что появлению белого на улице.

При этом машин в Харгейсе было немало. Львиную долю автопарка столицы составляли подержанные японские автомобили, которые можно было приобрести сравнительно дешево даже по сомалийским меркам. Помимо автомобилей роль транспорта в городе выполняли узкоглазые беломордые ослы-водовозы, которые, впрочем, не сильно мешали движению, привыкнув правильно реагировать на сигналы авто.

В свое время для жителя средневековой Европы не было ничего удивительного в том, что улицы в его городе не имели названий, а дома — номеров. В Сомалиленде этим также никого не удивишь. Выстроить город после войны успели, а дать названия улицам не хватило то ли фантазии, то ли времени. Через центр города пролегла одна-единственная ули-

ца с именем — Индепенденс роад (улица Независимости). Вдоль улицы тянулись похожие друг на друга одно- и двухэтажные здания, о предназначении которых можно было судить по мелькавшим вывескам на сомалийском, реже — на английском, еще реже — на арабском.

Большинство мужчин на улице носили европейскую одежду — светлые брюки и рубашку. Но встречались и те, на ком была национальная одежда — *го* — в виде куска ткани, оборачиваемого вокруг бедер. У некоторых мужчин на голове красовалась белая пилотка — как у Джавахарлала Неру. Некоторые детали одежды в Восточной Африке вошли в моду благодаря индийцам. Прежде они неплохо чувствовали себя в Сомали, но во времена строительства научного социализма часть из них перетекла в Дубай, часть вернулась на родину.

Что до женщин, то они — все без исключения — были одеты в соответствии с мусульманской традицией — в длинные платья и платки всевозможных цветов: от фиолетового до оранжевого. В тот год оранжевый, похоже, был в моде.

Министерство внутренних дел оказалось малоприметным одноэтажным зданием, напоминавшим давно не ремонтировавшуюся деревенскую начальную школу в российской глубинке. Нужную мне бумагу мы здесь так и не получили.

Следующим пунктом в нашей программе значилось Министерство национального планирования. Саид так и не посвятил меня в то, какой документ потребовался от нас, и я, стараясь не отвлекать его от дороги и размышлений о моей судьбе, безропотно последовал за ним.

Министерство национального планирования оказалось как две капли воды похоже на здание МВД. Предчувствие, возникшее во время ожидания исчезнувшего в дверях здания Саида, не обмануло меня: он возвратился грустный и растерянный.

— Послушайте, Саид, может, мы просто вернемся туда и дадим им денег? — предложил я. — Назовем это штрафом, комиссией, взносом — как хотите.

— Теперь нам только это и остается, — вздохнул Саид.

Все получилось проще, чем я мог предположить. Через пять минут довольный Саид появился в сопровождении офицера полиции, в руках у которого я увидел свой паспорт. Саид успел шепнуть мне, чтобы я достал 20 долларов, желательно — без сдачи.

Менее чем через полчаса мы с Саидом уже сидели в ресторанчике, вспоминая наши мытарства с паспортом как забавное недоразумение. Поедая макароны с огромным куском козлятины, я вывел сентенцию, что ездить в Харгейсе по министерствам — только зря тратить бензин.

Мясо (козлятина, реже — баранина) с макаронами — это главная еда в Сомалиленде, куда бы вы ни пришли. Если вы находитесь у моря, вернее у Аденского залива, то в ресторанах можно поживиться рыбой. Верблюжати́на — почти деликатес. Верблюдов сомалийцы берегут и без нужды стараются не резать, хотя этих животных здесь едва ли не в три раза больше, чем людей.

От этого пищевого однообразия очень быстро утомляешься, как от рациона школьной столовой. Но тогда, в первый день, я вежливо пытался покончить с не вызывавшим у меня восторга завтраком, переросшим в поздний обед. Однако вскоре я увидел то, что заставило меня послать к черту все приличия и отодвинуть в сторону тарелку с недоеденным мясом. Впрочем, обо всем по порядку.

Больше всего я боялся заболеть в Африке какой-нибудь кишечной инфекцией. Саид уже успел обрадовать меня, что нормальных врачей и даже медсестер в стране нет, и потому, в соответствии с учением Дарвина, выживают только сильнейшие. Заболел — уповай лишь на Аллаха.

Я привык брать с собой в дорогу достаточно лекарств, чтобы в случае проблем со здоровьем в кратчайшие сроки поставить себя на ноги.

Как известно, то, чего больше всего боишься, непременно должно произойти. Причем так скоро, что остается только восхищаться, как быстро доходит информация о твоих фобиях до небес. Не успело стемнеть, а я уже не находил себе места от адской боли в животе.

Порою мне казалось, что я умер, но эта неприятная во всех смыслах новость почему-то вызвала у меня вместо закономерного чувства печали приступы неконтролируемого смеха.

Мою боль усиливало то, что я не мог достучаться до Хавы. Мой московский номер здесь не ловился. Когда мне полегчало, я спустился вниз и попросил порттье подключить меня к местной связи.

— Вам нужен мой паспорт? — спросил я.

— Паспорт не нужен. Если бы у нас симку покупали с паспортом, половина страны сидела бы без мобильной связи.

Через полчаса у меня была связь. Телефон Хавы что-то отвечал по-сомалийски. Собрав силы, я вновь спустился вниз.

— Скажи, что говорит телефон? — обратился я к порттье.

— Телефон абонента выключен или не обслуживается.

Придя в себя только на следующий день, я стал вспоминать, что произошло накануне.

В ресторанчике, куда меня пригласил Саид, большую часть времени я отбивался от назойливых худых кошек, путавшихся под ногами и ждавших удобного момента, чтобы запрыгнуть на стол и цапнуть кусок мяса у меня из тарелки. В ответ кошки отвратительно шипели или пронзительно кричали, как пьяные женщины.

Но самое ужасное мне предстояло увидеть в конце нашей трапезы. На соседний столик запрыгнули две дистрофичные кошки, с которыми я только что отчаянно боролся, и принялись облизывать оставленные посетителями тарелки.

— Похоже, сотрудники ресторана экономят воду и предпочитают, чтобы кошки мыли за них посуду, — грустно пошутил я, отодвигая в сторону свою тарелку.

Как издевательство выглядела полустершаяся надпись на плакате при въезде в столицу: «Keep your city clean». Первое время я стеснялся выбрасывать мусор где придется, но очень скоро привык делать это без оглядки на окружающих.

Естественная убыль мусора происходит лишь за счет коз, которые в огромном количестве слоняются по городу и жрут все, что попадает им на глаза: от газет до листочков *ката*. Таких коз не решаются употребить по назначению даже местные жители. Сложно вообразить, что будет с человеком, который съест козу, сутки напролет жующую наркотический *кат*. Может, одну из таких передозированных коз мне скормили в том злополучном ресторане с кошками-посудомойками?

Мистер China

Один против многих — всегда дурак.
Сомалийская пословица

Первое время я ждал, что Саид позовет меня в гости, но шли дни, а приглашения так и не поступало. Позже от парня на ресепшн я узнал, что, по сомалийской традиции, посторонние мужчины не имеют права входить в чужой дом. Для приема гостей, званых и незваных, служит *арда́* — специальное огороженное место рядом с домом. В виде исключения мужчину могут впустить в дом, если ему грозит опасность или если он попал в беду, например под дождь. Поразительно, что этот сформировавшийся в кочевых условиях обычай не умер в городских условиях.

Поскольку, как показали первые дни, проведенные в городе, опасность мне в Харгейсе не грозила, а сезон дождей, называемый поэтично: *гу* или *дайр* — в зависимости от времени года, еще не наступил, я мог не надеяться на вынужденное гостеприимство Саида.

Еще в Москве Хандуле позвонил при мне Саиду и попросил его быть моим верным помощником во всех моих научных поисках. С первого дня усач всерьез взялся за дело.

Мой день делился на две неравные во всех отношениях части: первая включала дообеденное и послеобеденное время, вторая — вечер. Утром, когда я, расслабленный, еще дожевывал свой нехитрый завтрак под сомалийские песни, доносившиеся из телевизора,

приезжал Саид, и мы ехали в город — встречаться с нужными людьми. Банкиры, финансисты и бизнесмены, увидав человека из России, задавали мне больше вопросов, чем я им, беспечно сжигая отведенное для нашей встречи время. И все же из того, что мне удалось вытянуть из них, я понял, что значит *хавалья* для Сомалиленда. Слова дубайских *хавальяда-ров* о том, что сомалийская *хавалья* — обыкновенная система денежных переводов, оказались лишь частью правды.

В условиях стабильной финансовой системы Дубая официально зарегистрированные операторы хавали действительно заняты по преимуществу в сфере обслуживания денежных переводов. Но по-иному обстоит дело в Сомалиленде, где при отсутствии нормально-го банковского сектора хавальядары взяли на себя функции банков. Получатель платежа может не истребовать всю сумму перевода целиком, а оставить часть поступивших средств на депозите. Процент по таким вкладам не начисляется, но деньги находятся в надежном месте, откуда их всегда можно забрать.

Предъявив чековую книжку или ее аналог, вкладчики оператора хавали могут получить средства в любом отделении компании, даже в другом городе. А у финансового учреждения не может возникнуть соблазн заработать на этом, пустив эти деньги в оборот, или, иными словами, предоставив их заемщикам, но уже за вознаграждение.

Таким образом, если для западного человека более привычна картина, когда в банке доступна такая услуга, как денежный перевод, то в Сомалиленде — все наоборот: обратившись к хавальядару, можно воспользоваться минимальным набором банковских услуг. Конечно же, подобная практика операторов хавали возникла не с чистого листа.

Еще во времена единства Сомали кочевники держали средства на депозите у владельцев магазинов. Те в любой момент могли вернуть требуемую сумму из выручки. Система взаимных кредитов под названием «хагбад», распространенная в основном среди женщин, также легла одним из кирпичиков в фундамент нынешней системы хавали в Сомалиленде и других частях Сомали. Члены хагбада выбирали из своей среды казначея — управляющего фондом. После того как в кассе набиралась определенная сумма, ее предоставляли одному из членов данного кооперативного общества. И так далее, пока не была погашена потребность всех членов общества в кредитах.

Долгое время на Западе о хавале, в том числе сомалийской, было известно лишь узкому кругу специалистов. Но после событий 11 сентября 2001 года о хавале услышали даже люди, которые никогда не пользовались никакими системами денежных переводов. Несмотря на то, что операторы хавали не были замешаны в финансировании терроризма, все хавальядары, работавшие в пределах досягаемости западных спецслужб, подверглись глубокой проверке. На некоторых из них пало незаслуженное подозрение — как, например, на лидера сомалийского рынка денежных переводов компанию «аль-Баракат». Счета компании были заморожены. И хотя впоследствии обвинения были сняты, «аль-Баракат» так и не смогла оправиться от удара, уступив лидерство другому оператору хавали — компании «Дахабишль».

Такие богатые финансовые структуры, как «Дахабишль», нередко оказывают помощь государству, финансируя социально значимые проекты, выполняя уже не только функции обычного коммерческого банка, но и центробанка страны. Недаром в Харгейсе я неоднократно слышал притказку, что подлинным центральным банком в стране является не Банк Сомалиленда, а «Дахабишль»...

Практически все мои собеседники свободно изъяснялись по-английски. Лишь пару раз Саиду пришлось брать на себя функцию переводчика — в беседе с местными старейшинами, пожелавшими увидеть гостя из России. Они спросили меня, как живут мусульмане в России? Я честно сказал, что даже лучше, чем в Сомалиленде. Только на улице я подумал, что, возможно, обидел стариков.

— Все о'кей, — сказал Саид. — Я просто не перевел им твои слова.

Потом мы обедали. Первое время я отказывался идти в любой ресторан, даже самый дорогой, предпочитая голод тем невыносимым и незаслуженным мучениям, которые мне довелось испытать, но однажды Саид твердо сказал: «Надо».

— Это действительно был не очень хороший ресторан, — сказал Саид. — Просто я думал, что ты проголодался с дороги, и потому хотел побыстрее накормить тебя. Теперь ты уже в любом случае не отравишься. Ты приобрел иммунитет. Тебе еще, можно сказать, повезло. Недавно один путешественник умер. Хозяин ресторана скормил ему мясо верблюда, которого ужалила ядовитая змея. Сомалийцы тоже ели это мясо, но они только отравились, а европеец умер...

— Выходит, я счастливчик?

— Ты стал им, когда приехал в Сомалиленд, — ответил Саид...

Каждый день я забирался в Интернет, не оставляя надежды получить ответ на письмо, отправленное Хаве еще на второй день в Харгейсе: «Милая! Я приехал. Отзовись, пожалуйста! Вот мой номер...» Ответа не приходило. Я даже пошел на невинную хитрость — отослал Хаве любовную открытку: если бы она посмотрела ее, мне бы тотчас пришло извещение об этом. Но и открытка оставалась нетронутой.

Мне только и оставалось шататься по Харгейсе, вырывая из толпы взглядом лица закутаных в традиционные цветастые одежды сомалиек. Судя по тому, как была одета Хава в Казани, я заключил, что едва ли она носит *никаб* — традиционное одеяние, оставляющее открытыми лишь кисти рук и глаза. В противном случае распознать ее на улице было делом безнадежным.

Примечательно, что самые активные девушки, которых мне довелось встречать в Сомалиленде, носили *никаб*: все, кроме горячих игривых глаз-уголков, скрыто от взора посторонних. Мои настойчивые, в надежде отыскать Хаву, взгляды девушки воспринимали как верный признак внимания, воодушевленно махали мне рукой и кричали мне что-то типа «Hello» или «How are you». Просьбой поделиться номером мобильного заканчивались все мои короткие знакомства на улице. Лишь моя нерешительность, помноженная на языковой барьер, оберегала меня от чар местных обольстительниц. Улыбаясь, я отвечал, что у меня нет телефона, но девушки не верили мне, начинали галдеть и громко смеяться надо мной: китаец, и нет телефона, ха-ха-ха...

Надо сказать, что во многих регионах Африки все приезжие, независимо от своего происхождения, подразделяются на две категории: американцев и китайцев. К первым относятся все ярко выраженные европеоиды, а ко вторым — все остальные, кто не подходит под категорию африканцев и американцев. В Сомалиленде меня в основном принимали за китайца.

Поначалу я горячо бросался растолковывать, что я не китаец, но потом плюнул и смирился с этой не особенно тяготившей меня ролью.

— Быть китайцем не так уж плохо, — объяснил мне Саид, выслушав мои жалобы. — Китайцев здесь уважают. Их интересует бизнес, а не политика. Так что, если тебя здесь принимают за китайца, радуйся.

В отличие от обитателей других стран, жители Сомали никогда не питали лютой ненависти к чужестранцам только потому, что они иные. Того, кто приходил сюда с миром, следуя заветам предков, не всегда пускали в дом, но в *арда'* он мог чувствовать себя вполне желанным гостем как минимум три дня. Согласно обычаю, кочевник должен был в течение трех дней всячески улаживать гостя, кормить его на убой, но по прошествии указанного срока вступал в силу принцип: пора бы и честь знать.

Грудь девственницы, Верблюжий колодец и советский танк

Если верблюдица не пила тридцать дней, она потерпит еще три.
Сомалийская поговорка

Все свободное время в Харгейсе я посвящал поиску Хавы. На мои звонки ее телефон неизменно произносил хрипловатым женским голосом одну и ту же фразу на сомалийском, которую я быстро научился понимать без перевода. На мои письма она по-прежнему не отвечала. Мне ничего не оставалось, как продолжать свое патрулирование вечерней Харгейсы. Моим любимым маршрутом стал путь от отеля до главного памятника столицы — установленного на пьедестале МиГа, одного из тех, что практически стерли с лица земли Харгейсу в 1988 году. Поначалу мне показалось диким, что в качестве объекта для памятника был выбран вражеский самолет, на что Саид справедливо заметил: «А разве крест, который носит на шее добрая половина человечества, не был когда-то жестоким орудием убийства?..»

Имелся в городе еще один памятник — в виде гигантской, выше среднего человеческого роста, правой руки коричневого цвета, сжимавшей в руке карту Сомалиленда — такую же обшарпанную, как и сама рука. К изваянию вели три ступеньки, каждая из которых была покрашена в один из цветов флага Сомалиленда.

Постояв у «Руки», я возвращался к «Самолету», заходил в интернет-кафе, отправлял очередное письмо Хаве и плелся в темноте по пыльной дороге к себе в отель.

Чем ближе я приближался к «Мансуру», тем чаще на моем пути одноэтажные и двухэтажные дома сменялись сооружениями из веточек, картона и других подручных материалов. Эти жилища представляли собой нечто среднее между традиционным *арда́* кочевника и шалашом Ленина в Разливе.

Обитатели хижин, первое время с недоверием косившиеся на меня, вскоре свыклись с моим существованием. Некоторые радостно приветствовали меня, высовываясь из своих шалашей. Однажды меня даже попытались затащить на чай, но я вежливо, но решительно отказался. Верблюдом, ужаленным змеей, меня, конечно, никто бы не угостил, но и простым чаем на недокипяченной воде можно отравиться посильнее, чем сотней верблюдов.

Пожунав, я чистил зубы, набирал наудачу номер Хавы, слушал заветную фразу и, прочитав молитву, укладывался спать.

Однажды утром, после очередной противной ночи, пропахшей моим потом и кровью, выпитой выдуманными мною москитами, я решил, что нужно немедленно менять дислокацию, — хотя бы на пару дней. Так, по крайней мере, я не буду каждую минуту думать о ней, престану вглядываться в ласково-кофейные лица сомалиек на улицах Харгейсы. За это время Хава должна была сама объявиться, если, конечно, не случилась беда. Поначалу я не желал думать о плохом, но чем больше проходило времени, тем чаще посещали меня мысли о том, что с Хавой что-то стряслось.

Решив на время оставить Харгейсу, я бежал не от своего неожиданно ставшего угасать чувства, но лишь от беспощадной неизвестности. Я начинал все чаще думать над тем, а не выдумал ли я для себя Хаву. Девушка с таким именем, с которой я познакомился в Казани, конечно же, существовала, но, судя по всему, она имела мало общего с той Хавой, которую я хотел видеть своей возлюбленной и женой.

Имелось, впрочем, и другое обстоятельство, подвигнувшее меня на отъезд из Харгейсы, — нежелание более досаждать моему куратору. Я стал замечать, что Саид, исправно доставлявший меня на встречи с разными нужными и не очень нужными мне людьми, с каждым днем заезжал за мной в отель все позже, а отвозил обратно все раньше. В эти свободные часы я слонялся по Харгейсе. Вскоре все настолько привыкли ко мне, что воспринимали меня как своего. Один пожилой сомалиец сказал мне в мечети: «Ты такой же сомалиец, как мы, только белый». После этого комплимента я решил, что сам черт мне не страшен и в любом городе Сомали мне будут рады как своему.

Когда я за обедом поведал Саиду о своем намерении махнуть в Пунтленд или даже в Могадишо — изучить «кухню» местных *хаваядаров*, он замахал руками, словно на его тарелку уселась тысяча мух.

— Что там делать? Там опасно. А *хавая* там точно такая же, как у нас. Или у тебя есть лишние сто двадцать долларов в день на охрану?

Последний аргумент показался мне сильным. Мой командировочный бюджет не предполагал денег на телохранителей.

— Но Хандуле говорил мне, что там безопасно. Он мне даже визу дал. — Забыв о предупреждении господина посла, я достал из рюкзака сложенную четверо визу Сомали.

— Ничего не знает этот Хандуле. Пусть сам туда едет, — рассерженно сказал Саид, возвращая мне визу. — Хандуле — фантаст. Если уж тебе очень хочется куда-нибудь съездить, я бы посоветовал Берберу. Это и дешевле, и безопаснее...

В самом деле! Как я мог забыть о Бербере?

Бербера — во всех отношениях город значительный. Хотя бы потому, что это самый древний порт в Африке. Когда-то на этом месте при правивших в Египте Птолемеях был город Малао, главный порт легендарной страны Барбарика. О нем оставил упоминание один греческий купец в I веке новой эры. Но кто поручится, что существовавший здесь порт не был ровесником фараонов Древнего Царства, посылавших экспедиции за благовониями и другими колониальными товарами в таинственную страну Пунт?..

В Средние века город был одним из центров морской торговли в регионе. Отсюда вывозились мирра, ладан, слоновая кость, шкуры животных. Слава невольничьего рынка Берберы дошла даже до Китая.

Португальцы разбомбили город в 1518 году, но закрепиться им здесь не удалось: через несколько десятков лет их вышвырнул из Аденского залива флот султана Османской империи.

Добившийся еще в начале XIX века широкой автономии от Османской империи Египет давно и всерьез интересовался сомалийским побережьем Аденского залива. Англичане также претендовали на эти аппетитные места. Интерес к Бербере колониальных держав усилился после открытия в 1869 году Суэцкого канала.

Но в дипломатической борьбе с Англией, Францией и Турцией за господство над Берберой верх одержали египтяне. Этому есть простое объяснение. Англичане, озабоченные продвижением русских в Средней Азии, решили не растрачивать попусту силы и завладеть Берберой руками Египта. Так и случилось. Через десять лет англичане с помощью долговой петли поработили Египет со всеми его территориальными приобретениями, включая сомалийское побережье Аденского залива.

Бербера стала административным центром Британского Сомалиленда — до 1941 года, когда генерал-губернатор переехал в более безопасную Харгейсу.

Во времена сомалийского единства этот стратегически важный порт служил козырной картой в руках хитроумного Сиада Барре. Сначала Барре дал его в пользование Советскому Союзу в обмен на вечную дружбу. В 1969 году советские специалисты начали здесь строительство глубоководного порта. Потом, после Огаденской войны, Берберу заполучили американцы, но счастья они там не нашли. Сейчас берберский порт служил интересам Сомалиленда, но мне, по словам Саида, непременно следовало увидеть один из символов прежней советско-сомалийской дружбы.

Я обрадовался возможности покинуть ставшую ловушкой для моей несчастной любви Харгейсу. К вечеру прояснились некоторые важные подробности предстоявшей поездки.

Аренда лендкрузера от Харгейсы до Берберы и обратно должна была обойтись мне в 100 долларов. Я хорошо понимал, что никто не заплатит мне за сафари на джипе к берегам Аденского залива. Я поинтересовался у Саида, а нельзя ли добраться до Берберы другим, более экономным способом? Ездят же как-то люди из Харгейсы в другие города.

— Ездят, но тебе нельзя. Ты — иностранец. Потом, я уже заплатил им, так что поздно менять решение... В дороге тебя будет сопровождать охрана, — сказал Саид.

— Охрана?! Зачем?

— Так положено.

Саид рассказал мне, что раньше иностранцы действительно передвигались по стране без охраны, но где-то за четыре года до моего приезда на пути между Харгейсой и Берберой местные ваххабиты — сторонники организации «аль-Иттихад аль-ислами» — убили иностранцев за то, что у тех была недостаточно длинная борода. Вся страна бросилась на поиски злодеев. Их нашли и сурово покарали. Но с тех пор иноземцев не выпускали за пределы городов без сопровождения двух вооруженных «калашниковыми» полицейских. Тем самым убивались два зайца: властям, озабоченным международным признанием Сомалиленда, было спокойно за собственный имидж, и полиция — развлечение.

Я посмотрел на свое лицо в зеркало саидовского Suzuki. Первое время, рассчитывая повидаться с Хавой, я исправно брился по утрам, но потом, утратив надежду, бросил это мучительное занятие. В скором времени я мало чем отличался от местных последователей радикального ислама — сторонников «аль-Иттихада», тех самых, по вине которых мне пришлось раскошелиться на джип. Слоняясь по безымянным улицам Харгейсы, я прихотился закатывать джинсы, чтобы на них не оседала пыль, это еще более усиливало мое сходство с короткоштантными иттихадистами. За свою внешность я вдоволь наслушался шуток от Саида и других друзей Хандуле. Местные также недоумевали: сочетание китайца и ваххабита в одном человеке выглядело в их глазах чем-то несусветным...

— Что, и за охрану мне тоже придется платить?!

— Нет, государство предоставляет охрану бесплатно, — с гордостью отвечал Саид, но прежде чем я успел радостно выдохнуть, добавил: — Но принято платить им по 20 долларов каждому. Это — хэр, сомалийский обычай. Ты же хотел узнать, как он работает. Только не вздумай отдавать им деньги сразу. Только в конце. Запомни: в конце.

— Хорошо. В конце — так в конце, — беспомощно пробормотал я. Сто сорок долларов — во столько мне обойдется желание убежать от моей любви.

На следующий день рано утром мы тронулись в путь.

Белозубый водитель джипа, Абди, — в черных очках и одежде цвета хаки напоминал крутого негра — «морского котика» из американского кино. Я подумал, что, случись, не дай Бог, с нами в дороге какая-нибудь неприятность, от него будет больше толку, чем от моих телохранителей: сухопарого старика и совсем молодого толстого парня.

Каждый раз, отлучаясь по надобности, парень забывал свой «калаш» на заднем сиденье джипа. В старике, напротив, чувствовался опыт: он всегда шел по своим делам с оружием. Полезная привычка даже там, где безопасно. Но несмотря на наличие некоторых боевых качеств у одного из моих телохранителей, я довольно быстро убедился, что большой пользы от моей охраны не будет, попади мы в засаду, устроенную бородачами. Какой нормальный телохранитель позволил бы мне сесть на переднее сиденье, рядом с водителем?..

На выезде из города у первого же КПП полицейский, не проявив ко мне большого интереса, заглянул внутрь и, убедившись в наличии охраны, дал добро на проезд.

Первое время я, не отрываясь, смотрел в окно на покрытую невысоким кустарником саванну. За нашей спиной остались два невысоких холма, называемых Наса Хаблод (Груды девственницы) — за сходство с этой примечательной частью женского тела.

Я не мог отказать себе в удовольствии взобраться на одну из «грудей». Мысленно соскальзывая по воображаемому гигантскому женскому телу с одного из сосцов Наса Хаблод, я обнаружил, что Харгейса раскинулась в еще более интересном с точки зрения любителя анатомии месте. На сомалийском это слово звучит как «сила».

Наса Хаблод — один из символов Сомалиленда и Сомали в целом. Любой местный житель расскажет вам, что эти холмы, созданные лучшим архитектором на свете — Аллахом — из гранита и песка, послужили образцом для пирамид в Гизе. По преданию, египтя-

не, прибывшие в эти края по торговым делам, увидели Наса Хаблод и попытались воссоздать увиденную ими красоту при построении усыпальниц фараонов. Сомалийцы горды этим своим весомым вкладом в копилку мировой цивилизации.

Единственными живыми существами на Земле, осмелившимися бросить вызов самому Аллаху, оказались термиты. По всей стране высятся их величественные, достигающие порою нескольких метров в высоту рыжие готические дворцы-соборы, сооруженные из песка, глины и прочих доступных материалов.

Сомалийцы называют термитники поэтично: думдumo. Труд множества трудолюбивых строителей, работающих не за зарплату, а ради всеобщего блага, приносит свои результаты. Хищный зверь, лев или леопард скорее сломает зубы, чем доберется до святая святых — бережно выращиваемых на экскрементах обитателей термитника грибов, от употребления которых у термитов, наверное, рождаются такие великолепные архитектурные идеи. Употребление грибов помогает им также лучше вырабатывать слюну, которой, примешивая измельченную древесную труху, термиты намертво скрепляют свои дворцы. Другое сокровище, скрываемое за толстыми стенами термитников, — красноватого цвета земляца, которая, говорят, здорово помогает от диареи. Об этом мне через Абди, выступавшего у нас в роли переводчика, сообщил старик-водитель, когда мы однажды вышли по нужде.

— Нам это очень сильно помогало во время войны, — признался он. — Бывало, перед боем так скрючит — умереть хочется.

Я засмеялся.

— У нас, в России, это называется медвежьей болезнью.

Мои попутчики использовали думдumo, чтобы вдали от посторонних глаз справиться мелкую и большую нужду. Возможно, то, что они оставляли после себя, тоже находило применение в лапках трудолюбивых термитов. Но мне было как-то совестно осквернять эти дворцы. «Вдруг, когда я буду справлять нужду, из термитника выйдет злой дух и лишит меня орудия преступления, — подумал я. — А мне еще Хаву увидеть надо...»

По сомалийским поверьям, термитники являются обиталищем злых духов. Особенно это касается заброшенных жилищ, оставленных насекомыми. Здесь зачастую находят пристанище разнообразные твари, от сов до мелких лисиц. Ночной крик совы, раздавшийся из величественных развалин термитного дворца, или лай оставшейся без ужина лисы способны пробудить разные фантазии. Мало кому хочется иметь дело со злыми духами.

Сбегаю с холма, я, весело открывая рот навстречу ветру, машинально набрал номер Хавы. Сколько раз за последнее время я делал это, не рассчитывая всерьез на успех...

Не может быть! В трубке послышались гудки, неторопливые, едва слышные. Я замер, боясь одним неверным шагом покинуть зону охвата мобильной связи.

— Алло! — отвечал чей-то сонный голос.

— Салам, Хава!!! Это я, Ренат! Я здесь, в Сомалиленде! У тебя все в порядке?! Я потерял тебя.

— А-а... Ренат. Салам! Все хорошо. Я спала. Как дела?

— У меня все хорошо. Я хочу видеть тебя.

— Я не знаю... Я немного занята. Может быть, завтра.

— Нет! Сегодня. Когда?

— О'кей, в семь часов у отеля «Ориентал».

— Пока, до встречи, Хава!

Я сбежал с холма, смутив устроившихся на желтой сухой земле под небольшим деревом охранников.

— Едем, скорее едем! — весело прокричал я им.

Подгоняемый настигнувшим меня в пути счастьем, я мечтал лишь о том, как бы поскорее возвратиться в Харгейсу, сбежать из которой я столь страстно мечтал еще этим утром. Мне подумалось: может, мне приказать водителю повернуть назад и помчаться на всех скоростях в Харгейсу?

Но потом я решил, что эта мысль не столь красива, чтобы разрушить все предыдущие планы. Конечно, и водитель, и охранники будут бесконечно рады, что их непыльный рабочий день так рано закончился, но едва ли мне вернут заплаченные за аренду джипа деньги. Да и мои телохранители будут недовольны, если их лишат ожидаемого гонорара. До Берберы ехать еще часа два: времени до семи предостаточно. Я даже успею заскочить в отель переодеться.

Только когда мы отъехали от Грудей девственницы на приличное расстояние, я вспомнил, что за нашей спиной остался Лас-Гиль. Еще в Москве в одной из статей профессора Пальцева я прочел об этом чуде, расположившемся между Грудями девственницы и Харгейсой. Местечко Лас-Гиль (в переводе с сомалийского — Верблюжий колодец) представляет собой пещеры, в которых французскими археологами были обнаружены наскальные изображения возрастом в девять или даже десять тысяч лет. Одеты в красочные ритуальные одежды гигантские коровы, виденные мною на фотографии из пещер, встали в тот момент у меня перед глазами и, жалобно мыча, потребовали, чтобы я непременно навел на них, раз уж оказался неподалеку.

— Стоп! — я взял водителя за плечо. — Мне надо в Лас-Гиль — туда, — я указал пальцем назад, в сторону Наса Хаблод.

Машина остановилась, водитель принялся что-то обсуждать с телохранителями.

— Если мы сейчас поедem в Лас-Гиль, мы можем приехать во время обеда и никого не застанем в Бербере, — перевел водитель.

Я согласился, вовремя вспомнив, что приехал сюда не в качестве археолога или туриста. Моя задача — изучить особенности сомалийской *хавали*.

Я дал себе установку не думать о Хаве до самого возвращения в Харгейсу. К чему истязать себя домыслами? В ситуации, когда мы оба практически ничего не знали друг о друге, единственным мудрым решением было ждать. Ждать наступления вечера.

На мое счастье, дорога не давала скучать, регулярно подкидывая пищу для размышлений. Завидев на обочине дороги сросшийся с пейзажем подбитый советский танк, я велел водителю остановиться. За кого воевал экипаж этой машины, ставшей памятником войне, разорвавшей на части одно из немногих моноэтнических государств в Африке, — за центральное правительство или за повстанцев? Выжил ли экипаж или погиб? Думал ли командир экипажа, прошедший Огаденскую войну, что через десять лет он будет подбит в танке на сомалийской земле, сражаясь против своих братьев-сомалийцев?

После окончания беславно проигранной войны с Эфиопией дела в Сомали пошли скверно. Генерал Барре закурил удила и окончательно оформился в диктатора. Другие должны были либо подчиниться его приказам, либо отправиться на тот свет. Такой расклад мало кого устраивал. Первым звонком для генерал-майора Барре была неудавшаяся попытка военного переворота в 1978 году.

Тогда несколько офицеров, среди которых был и будущий президент Сомали Абдуллахи Юсуф Ахмед, попытались свергнуть Барре. Переворот провалился, все заговорщики были казнены. Смерти избежал лишь Абдуллахи Юсуф Ахмед. Встретив поддержку в соседней Эфиопии, которая была счастлива внести свою копеечку в дело развала опасного соседа, Юсуф Ахмед не теряя времени занялся оппозиционной деятельностью.

В это время не дремали и другие недовольные. Выходцами из северных кланов в Лондоне также был создан своеобразный штаб по борьбе с диктатором. Позднее оппозиционеры с Севера перебрались в Эфиопию, чтобы быть ближе к центру событий.

Очаги партизанского движения на территории Сомали появились еще в начале 1980-х, но в активную фазу война вошла в 1988 году. Барре бросил против мятежников войска: тысячи людей, включая мирных жителей, нашли смерть от солдат сомалийской армии. К 1990 году Барре было уже не до Севера: к Могадишо двигались войска, подконтрольные двум основным оппозиционным силам на Юге. Вышвырнув диктатора из столицы, победители стали делить власть. Вопрос этот не решен и поныне.

Пока представители разных кланов и группировок на юге страны спорили, кому быть у руля, северяне стали потихоньку строить независимое государство Сомалиленд.

Встречающиеся вдоль дорог в Сомалиленде покрытые ржавчиной железные орудия убийства оставлены не случайно. Это, как и МиГ в центре Харгейсы, — лучшее напоминание о войне, которая еще не закончена на сомалийской земле.

У каждого, кто видит такие монументы, в памяти возникают свои собственные мысли о войне. К счастью, у меня не было военного опыта. Но моему отцу этот поверженный танк напомнил бы его молодость, службу танкистом на Львовщине, когда в разгар второго Берлинского кризиса он, как и тысячи молодых новобранцев, ждал приказа идти на врага, предавшего, как говорил политрук, союзнические идеалы Второй мировой.

Если бы тогда, в 61-м, началась война, скорее всего, не было бы ни меня, ни поездки в Сомалиленд, ни этого танка, а может быть, даже самого Сомалиленда. А значит, и Хавы. Вот такая логика...

Красноармеец с душою муравья

*Те, у кого в проводниках навозный жук, ходят по дерьму.
Сомалийская поговорка*

Первое, что нам надлежало сделать в Бербере, согласно плану, составленному накануне Саидом, — завернуть в местный филиал Банка Сомалиленда. Несмотря на все предосторожности, попали мы прямо к обеду.

Управляющего филиалом, которого накануне Саид предупредил о нашем посещении, не оказалось на месте. Его молодой, по возрасту похожий на вчерашнего студента, помощник, виновато улыбаясь, долго не выпускал мою руку из своих влажных ладоней, кротко улыбался и напоследок подарил снятый со стены в кабинете начальника отрывной календарь с видами страны.

— Календарь за прошлый год, на этот еще не выпустили, так что не обижайтесь.

— Что вы, здесь красивые фотографии. А нет ли у вас другой информации для нас? Вчера звонил мой коллега Саид...

— Вам лучше пойти в центральный офис в Харгейсе, вся информация — у них, — отвечал помощник, озираясь по сторонам.

— Спасибо, там я уже побывал.

Оставалась надежда, что посещение порта компенсирует неудачу в банке. Наш ленд-крузер подлетел к самому въезду в порт, перегороженному красно-белым шлагбаумом. Я собирался выйти, но Абди остановил меня жестом: я сам.

Пока он ходил беседовать на КПП, я изучал плакат, установленный на длинном шесте у входа в порт. На нем были изображены перечеркнутые красным всевозможные виды оружия: от «лимонки» до такого чисто сомалийского артефакта, как *хангол* — увесистой длинной палки с крючком в форме трости. Сомалийцы используют ее для изготовления изгородей из колючих кустов и ветвей деревьев, оберегающих людей и скотину от хищников. Благодаря *ханголу* руки не касаются колючек и остаются невредимыми. В городских условиях он служит верной опорой и весомым аргументом в руках его обладателя. В эстетических целях его нередко покрывают лаком. При точном ударе рукояткой *хангола* можно почти наверняка раскрыть оппоненту череп.

Я еще писал напоминание в телефон, что нужно перед отъездом купить *хангол*, когда водитель вернулся.

— Они сказали, что не могут пустить вас. У вас нет разрешения от министра внутренних дел.

Опять этот дурацкий министр! Сколько я от него натерпелся, чтоб ему ни встать, ни сесть. Я вышел из машины и направился к КПП. Расслабленно сидевший на высоком табурете толстый полицейский на всякий случай привстал и сделал два шага навстречу мне, во-

лоча за собой автомат. Его менее упитанный коллега, сидевший напротив на обычном пластиковом стуле, бросил ковыряться в ухе и с интересом уставился на нас.

— Простите, могу я проехать на территорию порта? — спросил я по-английски.

— Нет. Нельзя, — быстро отвечал толстяк. — Это секретный объект.

— Какой же здесь секретный объект? Это же обычный торговый порт. Вот другие же ходят. — Я указал ему на двух парней-доходяг, ловко прошмыгнувших под шлагбаумом.

— Они местные и работают здесь, а вы иностранец.

— Но... я не совсем иностранец, я из России. Мы помогли сомалийскому народу строить этот порт. Вас еще не было тогда. Вон наши корабли кругом стоят. Наши! Понимаешь?

— И что вы хотите сказать?

— Да так, ничего... просто тут у нас кое-какие вещички остались с прошлых лет. Меня попросили забрать.

Толстяк задумался и что-то спросил у своего коллеги. Тот тоже задумался. Их нерешительность сделала меня дерзким.

— Кто ваш начальник? Передайте ему, что человек из... Советского Союза приехал за оставшимися вещами.

Двое о чем-то посоветовались, и тот, что ковырялся в ухе, куда-то удалился. Звонить начальству, подумал я. Ждать подтверждения моей догадки долго не пришлось.

— У нас ничего нет, все, что было, уже давно забрали, — радуясь, что ему удалось так легко от меня отделаться, переводил слова своего товарища толстяк.

Я отправился назад к машине, сожалея о том, что так и не попал в порт, и гордясь тем, что заставил поднять свои задницы двух местных бездельников, ничего не знавших о прежней дружбе наших народов.

— Не стоит переживать, — сказал мне Абди. — Сейчас мы отъедем чуть дальше, оттуда будет прекрасное зрелище, и все можно будет сфотографировать.

Мы проехали вдоль берега до небольшого мыса, откуда и в самом деле открывался дивный вид на порт и залив. Сгнившие, обезображенные ржавчиной трупы кораблей у берега напоминали о тех днях, когда Бербера служила морскими воротами единого государства Сомали. Теперь того, что осталось от прежнего берберского порта, хватало лишь на то, чтобы загружать местных овец и коз на пугающие своей древностью баржи и паромы и переправлять их на заклание в Саудовскую Аравию. Мелкий рогатый скот — основная статья экспорта Сомалиленда.

Так уж, видно, положено было на роду берберскому порту — служить интересам других государств. Сначала это была Англия, потом Советский Союз, который, собственно, и построил глубоководный порт в Бербере, потом США. Сейчас Бербера скорее эфиопский, чем сомалилендский порт: после кровавого развода с Эритреей для Эфиопии, утратившей выход к морю, Бербера стала спасением от вынужденной морской изоляции, а для Сомалиленда — достойной возможностью пополнить бюджет за счет доли от экспортно-импортных операций бывшего врага. Не зря говорит сомалийская поговорка: «Если козе суждено умереть, она станет лизать морду леопарда».

Оказавшись на пустынном берегу, я не удержался и полез в воду. Жара в Бербере, как и предупреждал Саид, стояла чудовищная. Только побывав в Африке, узнаешь, что жара имеет цвет и запах...

Прозрачная лазурная вода и никого кругом — то, чего мне так не хватало на перенаселенных египетских курортах. В тот момент я старался не думать о том, что это купание, ставшее единственным светлым пятном за всю поездку, обошлось мне в 140 долларов.

При выезде из Берберы мой взгляд упал на груду разбросанных камней. Среди них прогуливался поджарый беломордый сомалийский осел с умными, задумчивыми глазами. Я не мог не запечатлеть красавца. Каких только ослов не было в моей коллекции: и узбек-

ские, и иранские, и суданские, и, конечно, российские. Почувствовав мой интерес, осел на всякий случай поспешил прочь.

— Это кладбище, — пояснил подошедший Абди. — Здесь лежат жертвы гражданской войны.

Я огляделся по сторонам. Показавшиеся мне поначалу бесформенными грудками камни оказались самыми настоящими надгробиями. Все могилы были похожи друг на друга и представляли собой едва заметный холмик, опоясанный несколькими овалами из небольших разбросанных камешков. Над многими захоронениями возвышался небольшой камень. Ни имени, ни даты рождения и смерти на нем не значилось.

Вот и сбылось мое нелепое желание — увидеть сомалийское кладбище...

Как гласит поговорка: хочешь узнать традиции народа — побывай на свадьбе и похоронах. Памятуя об этом, еще в Харгейсе я упрашивал Саида притащить меня контрабандой на какую-нибудь местную свадьбу. Саид радостно согласился, однако как назло во время моего пребывания в Харгейсе никто не сподобился обзавестись семьей.

Но просьба прокатить меня до ближайшего кладбища смутила Саида.

— Зачем? — спросил он, внимательно наблюдая за моей мимикой, надеясь обнаружить намек на улыбку.

Но я был сама серьезность.

— Саид, у вас родители живы?

— Нет.

— Когда поедете на кладбище к родителям, возьмите меня.

Саид задумался.

— Я, признаться, давно там не был.

— А за могилой у вас разве не принято ухаживать?

— А что там ухаживать: камни одни, и все. Ветер сдувает песок, дождь моет камни.

Здесь, на кладбище в Бербере, я вспомнил про этот разговор с Саидом. Когда ты можешь погибнуть в расцвете лет от пули, инфекции или от какой-нибудь другой глупости, ты начинаешь по-иному воспринимать смерть и все, что с ней связано. Если тебе отмерено сорок лет на этом свете, то у тебя не так много времени, чтобы проливать слезы на могилах тех, с кем тебе предстоит очень скоро увидеться. Жизнь в таких странах, как Сомалиленд, слишком коротка, чтобы успеть соскучиться по тем, кто ушел навсегда...

Назад машина несла нас быстрее, чем в сторону Берберы. Единственная остановка в пути возникла вопреки нашей воле: дорогу нам преградил караван верблюдов. Верблюд — существо особое в жизни сомалийцев. Это основное богатство кочевников, в пищу их употребляют крайне редко, только в голодные времена. В сомалийском языке известно более десяти слов, обозначающих верблюда. Больше всего из них мне понравилось быстро запоминающееся *калин*, что можно было перевести как «молодая верблюдица». Я даже решил прозвать так Хаву, если она, конечно, не будет возражать.

Верблюд для сомалийцев — такая же универсальная валюта, как водка для русских. Им можно заплатить долг, штраф за непредумышленное убийство, выкуп за невесту. Едва только я подумал о брачном выкупе, как меня настигла свирепая мысль. Вдруг родители Хавы потребуют от меня верблюдов, если мы решим с ней пожениться? Я читал, что по традиции сомалийцы предоставляют свадебный дар — *мегер*, предназначенный самой невесте, и собственно выкуп родителям невесты. С *мегером* мы с Хавой как-нибудь договоримся. А вот что делать с выкупом? Моих доходов не хватит даже на то, чтобы купить верблюжье копыто.

— Вы женаты? — спросил я Абди.

— Да. А вы?

— Я нет. А что вы давали в качестве выкупа за невесту?

— Сто верблюдов.

— Сто верблюдов?!

— Шутка. Моя невеста из города, поэтому ее родители согласились взять выкуп деньгами. Я дал им 1500 долларов. Я небогатый человек, но это большие деньги для сомалийцев. 1500 долларов за невесту. Такие деньги я, пожалуй, смогу найти...

У порога отеля я крепко пожал руку каждому из членов нашей маленькой экспедиции, выдал предписанные обычаем сорок долларов и поспешил в отель. До встречи оставалось сорок минут...

Давно я с таким удовольствием не освобождался от бороды и усов. Я пел и танцевал перед зеркалом, рискуя пораниться. Неужели, думал я, смывая пену для бритья с лица, через полчаса мы будем сидеть друг напротив друга и говорить, как мы счастливы?.. Я полез в шкаф за чемоданом. Дождался-таки своего часа фарфоровый красноармеец из домашнего серванта — мой подарок Хаве. Занятый подготовкой к поездке, я лишь в самый последний день вспомнил о сувенире.

— Привези ей буденовца, — сказала мама. — Он все равно у нас место занимает, а для Сомали — диковинка.

Когда я освободил от бумаги и скотча свой подарок, оказалось, что у сурового фарфорового красноармейца из домашнего серванта откололся кончик буденовки — тот самый, который в народе называют умоотводом. Я заглянул внутрь бойца и обнаружил там издохшего муравья. Не знал, что в красноармейцах живут муравьи. Или, может, так выглядит душа фарфорового человечка?

Уже по дороге я решил, что выдам образовавшийся дефект за творческий замысел художника: дырка в голове красноармейца предназначается для ароматических палочек. От этой мысли я пришел в настоящий восторг: теперь мой подарок был не просто безмолвным истуканом для серванта, которого у Хавы все равно нет, а верным помощником в ароматерапии. Ай да Беккин!..

В обычные дни путь от отеля до рынка занимал минут двадцать пять. Обитатели шалашей дивились: почему китаец не ездит на такси? Дело здесь, конечно, было не только в экономии. Каждая такая прогулка дарила мне надежду на встречу с Хавой.

В тот вечер все было по-иному. Я шел своей обычной дорогой, не обращая внимания на ставшие привычными улыбки местных обольстительниц и однообразные, как жизнь в Сомалиленде, приветствия мужчин. Наверное, поэтому весь путь, не отягченный пустыми разговорами, занял у меня не более пятнадцати минут.

Ровно в семь я был у главного входа в «Ориентал». Я оглянулся по сторонам, но не обнаружил никого отдаленно напоминавшего Хаву.

Прошло десять минут. Чтобы не стоять на месте, я сделал несколько кругов вокруг отеля... Надо позвонить Хаве. Может, я что-то напутал.

Гудки! Ну, слава Богу! После долгого ожидания телефон что-то пробормотал по-сомалийски. Я подождал пару минут и снова набрал Хаву. Один, два, три, четыре. Сброс. Что такое?..

Не помню точно, сколько еще кругов я сделал вокруг «Ориентала». Во время одного из таких обходов мне показалось, что вдалеке со стороны рынка приближается она. Но прежде чем я успел понять, Хава это была или не Хава, женская фигурка юркнула в сторону и исчезла в чайной.

Я бросился за ней. Среди посетителей чайной Хавы или девушки, похожей на нее, не оказалось. Одни мужики. Что за чертовщина!

Я до поздней ночи не оставил своих попыток услышать Хаву, или, точнее, до раннего утра — пока не уснул, сбитый с ног усталостью и безысходностью.

Проснулся я оттого, что кто-то тихо, но настойчиво постучал в дверь. На пороге стоял портье.

— Извините за беспокойство. К вам пришла какая-то девушка. Она ждет вас внизу. Забыв обо всем, я устремился вниз. Около ресепшн пусто, я бросился на улицу — никого.

— Эй, мистер, она здесь. — Портье указал мне налево, где был маленький холл с телевизором.

Когда я влетел туда, навстречу мне поднялась совсем юная, невысокая сомалийка с открытым лицом, в очках в красивой тонкой оправе.

— Здравствуйте, я корреспондент местной газеты «Сомалиленд Таймс». Хотела взять у вас интервью как у первого русского, побывавшего в Сомалиленде.

— О нет, только не сегодня, — сказал я. — Оставьте свой номер, я вам позвоню.

Зебра

*Каждый пьет молоко той скотины, за которой ухаживает.
Сомалийская поговорка*

Саид все-таки заставил меня встретиться с той журналисткой из «Сомалиленд Таймс».

— Девушкам отказывать нельзя, — назидательно сказал он. — Тем более это первое ее задание в редакции. Ты же сам работал журналистом, знаешь, что такое первое интервью. Потом, к нам не каждый день приезжают люди из России. Ученые. Это важно не только для тебя и меня, это важно для наших стран.

— Ну, разве что для стран, — отвечал я. Мне было приятно, что Саид назвал меня ученым.

К моей радости, интервью оказалось недолгим. Дебютантка заметно волновалась и постоянно заглядывала в блокнот. У нее были красивые живые глаза, ухоженные руки с тонкими пальцами и новый диктофон «Олимпус».

— С какой целью вы приехали в Сомалиленд? — спросила она и приготовилась делать заметки в своем блокноте.

Сказать правду?.. Избави Бог! Нашел с кем откровенничать...

— Я что-то не то спросила? — заволновалась дебютантка, испуганная моим молчанием.

— Нет, простите, это я так — задумался... Я здесь с научными целями. Приехал изучать особенности местной системы денежных переводов — *хавали*.

— Здорово. И удалось вам достигнуть цели своей командировки?

— Думаю, да.

— А что в России знают про Сомалиленд?

— Боюсь обидеть вас, но почти ничего.

— Как же вы сами узнали о нашей стране?

— Так получилось. Долгая история. Тут целый роман можно написать.

— Вы пишете романы? — оторвалась от блокнотика дебютантка.

— Нет, но после поездки в Сомалиленд у меня появится хороший повод сделать это.

Девушка, не оценив шутки, продолжала скользить глазами по блокнотику, где были записаны длинные сомалийские слова.

— Что вам больше всего понравилось в Сомалиленде?

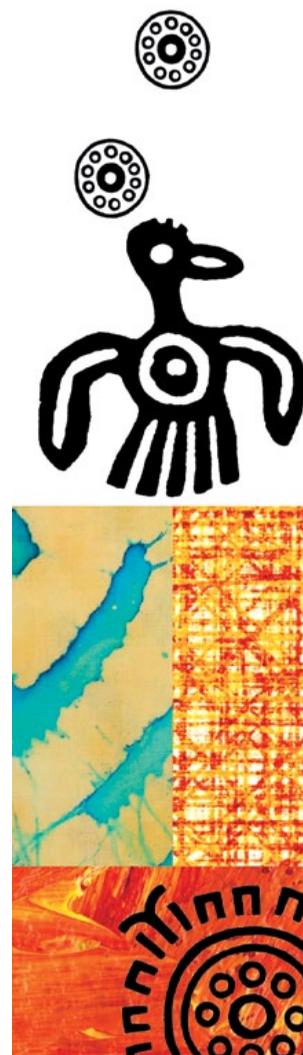
— Красота местных девушек.

На этот раз она засмеялась, хотя я и не думал шутить.

— Тогда что вам больше всего не понравилось?

— Непостоянство местных девушек.

Это была последняя деловая встреча в Сомалиленде. После моего бесславного возвращения из Берберы оставшиеся дни в Харгейсе прошли невероятно быстро и незаметно. От моего бюджета остались крохи, так что о поездке в Лас-Гиль не стоило и помышлять.

— Вы больше не боитесь оставлять меня одного? — спросил я однажды Саида.
 — Нет, ты здесь почти свой стал, — отвечал Саид. — Только все равно не ходи по ночам.
 Теперь мне уже не было нужды, таясь от Саида в зловонной уборной какого-нибудь ресторанчика, набирать номер Хавы. Я мог делать это открыто — и утром, и днем, и вечером. Но каждый день я все реже и реже пытался дозвониться до нее. Мне вдруг стало казаться, что вся история с Хавой с начала и до конца была придумана мною как шаманский заговор от скуки и снадобье от хандры.

В нашей истории с Хавой смысла было не больше, чем в том фарфоровом красноармейце, которого я привез ей в подарок. Я решил отдать буденовца Саиду. Не везти же его назад!

Схватив красноармейца, Саид крепко сжал его в своих ладонях.

— Спасибо, спасибо, дорогой! — бормотал он. — Это тебе Хандуле подсказал? У меня, когда мы в Союзе жили, точно такой же был. Одна девушка подарила, которую я сильно любил. А потом он разбился. Случайно. Хандуле приехал в гости и смахнул его рукой на пол. Точно такого же, у него даже кончик буденовки был отколот, — Саид не выдержал и разрыдался...

Оставалось надеяться, что с сувенирами для Москвы я также не прогадаю, как с красноармейцем. Для Хандуле я приготовил большой глиняный колокольчик, которые вешают на шею верблюдам, чтобы они не заблудились. Говорят, у каждого верблюда в Сомали колокольчик — с особым звуком. С помощью колокольчика можно отыскать своего родного верблюда или верблюдицу в толпе многочисленных сородичей или даже в голой пустыне, если животное сбежало. Пальцеву я купил лакированный *хангол* с набалдашником в виде головы леопарда, маме — национальную рубашку с флагом Сомалиленда, а Ленке за помощь и участие — пепельницу из песчаника. Он, правда, и не курил никогда, только пил, но пепельница — вещь, необходимая в доме. Там можно держать кнопки или пятикопеечные монеты...

В последний вечер я прогулялся по рынку, посидел на берегу *туга*, высохшего русла реки.

— А не зайти ли куда-нибудь попить чаю? — подумал я и поднялся с места. Я знал одну чайную у рынка. Мы заходили туда как-то с Саидом. Вроде даже не отравились.

Я выбрал столик в углу, чтобы не привлекать к себе внимание посетителей, и заказал чай.

Попробовав чая с молоком и пряностями, я подумал, что все на самом деле не так уж плохо. Я съездил в экзотическую страну, где мало кто бывал. Познакомился с хорошими людьми. Узнал наконец, как работает эта странная *хавая*, и, что тоже немаловажно, помог профессору в его исследованиях... Вся история с Хавой не казалась мне больше трагедией. Мне было неприятно, больно, в особенности от того, сколько унижений мне пришлось пережить, сколько приятелей потерять, чтобы добыть деньги на поездку. Но все-таки я здесь. Значит, кому-то это все-таки было нужно? Пока я пил чай и занимался самокопанием, народу вокруг прибавилось. Многие приходившие в кафе косились в сторону моего столика, но никто так и не решился разбавить мое одиночество. Самое время уходить!

Я попросил счет у официанта. В это время в чайную буквально ворвалась компания из трех девушек. Лицо одной из них показалось мне невероятно похожим на лицо Хавы. Не может быть!

— Хава! — крикнул я через весь зал.

Она обернулась и стала испуганно озираться по сторонам полутемной чайной, словно преступник, которого застали на месте преступления.

— Хава, — повторил я уже не так громко, пробираясь к ней между рядами пластиковых стульев.

— А, это ты, — сказала Хава спокойно. — Ты опять испугал меня. Как в тот раз. — Сказав это, она как-то неестественно рассмеялась. Как пьяная. Но она не была пьяна. — Что ты тут делаешь?

— Всего лишь пью чай... Куда ты пропала?
 — Я никуда не пропадала, — бесстрастно отвечала она. — Я была немного занята.
 — Но как... я же приехал сюда ради тебя.
 — Да?... Прости, я не знала. Я думала, что ты едешь в командировку.
 — Командировка была лишь поводом. Как же ты этого не понимаешь!

Она снова засмеялась:

— Тебе не кажется, что мы с тобой с самого начала не понимали друг друга?

— Я так не думаю... Я завтра уезжаю. Утром.

— Да? — задумчиво произнесла она. — Тогда счастливого пути тебе.

— Как? И это все?

— Меня ждут. Счастливого пути тебе, Ренат. — Она повернулась и, не дожидаясь моего ответа, исчезла за занавеской.

Я бросился за ней, но на пути у меня образовался высоченный даже по сомалийским меркам качок в красной футболке.

— No entrance, mister. It is for ladies only¹.

Я вернулся за свой столик. Появился официант со счетом.

— Она тебе нравится? — спросил он по-английски.

— А тебе что за дело? — резко ответил я.

— Не переживай, — понимающе улыбнулся официант. — Она не одному тебе голову вскружила. Она часто бывает у нас. За занавеской.

— И что она там делает?

— То же, что и все. Жует *кат*. Сюда приходят те, кто не хочет делать это прилюдно. Здесь, за занавеской, комната для женщин. А вот там, — он указал в противоположный угол чайной, — там тоже есть комната, но для мужчин. У нас бывает много женщин. Красивых. Может, тебя интересуют другие женщины?

— Так Хава что... Она?!..

— Не кричи так, пожалуйста. Нет, она не продает себя. У ее родителей есть деньги. Она просто испорченная девчонка. Ее здесь все зовут Зебра. У нее то черная, то белая полоса по жизни. То она добрая, то злая. Поговаривают, что она встречается с одним богатым пиратом из Пунтленда. У него вилла под Харгейсой. Денег столько, что ни тебе, ни мне за всю жизнь столько не заработать.

Я заплатил за чай и, опустив глаза — мне казалось, что вся чайная в тот момент погрузилась в тишину и усталилась на меня, — поспешно выскочил на улицу...

Жизнь в Сомалиленде имеет другую скорость, и, чтобы все успеть, нужно провести здесь не один месяц — не то что девять дней, как я. Однако Саид сделал все, чтобы я уехал из Харгейсы не с пустыми руками. Меньше чем за несколько часов до вылета произошло чудо: у меня на руках были бланки на открытие счетов в «Дахабшиле» и «Экономическая статистика по Сомалиленду за 2004 год», получения которых я добивался все время, пока находился в стране!

Вечером, в Москве, распаковав вещи, я позвонил Пальцеву.

— Алло, будьте добры Николая Платоновича.

— ... А кто его спрашивает?

— Ренат.

— Ренат? Что-то не знаю таких... Вы его друг?

— Да, то есть нет. Я — аспирант... Будущий...

Договорить мне не дали. Вместо ответа на том конце провода положили трубку. Немного погодя я позвонил снова. Потом еще. Трубка молчала. Да что же это такое! Никто не желает со мной по телефону разговаривать! Даже Пальцев. Надо сходить к врачу. Или мулле. Чертовщина какая-то в самом деле!

¹ Нельзя входить, мистер! Это вход только для женщин (англ.).

Я хорошо помнил, что Пальцев, когда мы созванивались с ним перед отъездом, просил не тянуть с отчетностью по командировке. На следующий день с утра я отправился в Институт африканистики, прихватив сувенир — *хангол* с головой леопарда, отвоеванный мною у службы безопасности аэропорта. В Дубае мне пришлось отдать его на время полета стюардессе, иначе меня бы просто не пустили в самолет.

В отделе кадров полнотелая тетушка сидела спиной к двери и играла на компьютере в «косынку».

— Здравствуйте. — Я кашлянул. — Меня зовут Ренат Беккин. У вас можно узнать, где найти профессора Пальцева?

Тетушка прекратила играть.

— На Кунцевском он, кажется, — кротко произнесла она и обратила ко мне свое овальное с красноватым носом лицо. — Убили вашего Пальцева, еще на прошлой неделе.

— Кто убил?!

— Да аспирант наш, Семенов, зарезал среди бела дня.

— Зарезал?! За что?!

— Бог его знает. А вы по какому вопросу его искали?

— Я по гранту. Я вернулся только что. Хотел бумаги отдать.

— А-а. Тогда вам в бухгалтерию. Ступайте, голубчик. На второй этаж. Рядом с кабинетом Порева.

Меньше всего я тогда хотел видеть Порева, но у самых дверей бухгалтерии чуть не сбил его с ног. Я извинился и хотел прошмыгнуть мимо.

— А-а, молодой человек! — раскинув руки, вскричал Порев. От директора все так же пахло водкой и мокрыми шишками. — Вы ко мне? Очень, очень кстати! У меня для вас хорошая новость: у нас появилась вакансия. Видите, недолго ждать пришлось.

— Да, я знаю, но, наверное, откажусь.

— Почему же?.. Ну, как знаете... Кстати, тот человек, чье место освободилось, очень просил за вас... когда жив еще был. Профессор Пальцев, царствие ему небесное. Он очень хвалил вас. Пальцев наш. Хлопотал. Он ведь, можно сказать, из-за вас погиб.

— Из-за меня?!

— Семенов, этот сукин сын, осерчал на него, что он деньги по гранту ему не дал, да и пырнул заточкой. Прямо на скамейке, здесь у пруда, где Пальцев любил сидеть, кефир пить из своей советской бутылки. Представляете, он покупал обычный кефир, наливал его в эту бутылку, которую носил в дипломате. Забавный человек... А что это у вас за тросточка такая в руках?

— Это *хангол*. Я Пальцеву из Сомалиленда привез.

— Замечательная вещица. Можно посмотреть?

— Возьмите его себе. Мне этот *хангол* все равно не нужен.

— Пальцеву, к сожалению, тоже, — сказал Порев и, громко заржав, принялся вертеть в руках подарок...

Та самая скамейка, на которой состоялось наше знакомство с профессором, была пуста. Я придирчиво осмотрел саму скамейку и пространство вокруг нее. Все, что я нашел, это маленький осколок стекла — быть может, от той бутылки, из которой пил кефир Пальцев. Я завернул стекло в носовой платок, сунул его в карман и уселся на скамейку.

Мое сердце отказывалось принять то, что произошло здесь несколько дней назад. Пальцев мог остаться в живых, если бы не моя командировка... Я считал встречу с профессором своим счастливым лотерейным билетом. Для Пальцева наше знакомство оказалось роковым. Впрочем, и мне самому не принесла счастья эта поездка... Бедный Пальцев стал жертвой моей безумной затее с Хавой... Там, в чайной, я утешал себя тем, что помог профессору в его исследованиях. Кому теперь нужны все привезенные мною материалы?.. Неужели вся эта история, закрутившаяся на безлюдной улочке в Казани, была придумана

там, на небесах, лишь для того, чтобы какой-то ублюдок среди бела дня прикончил пожилого человека в самом центре Москвы?..

В такие отчаянные минуты не хочется никого видеть и слышать. Но телефон с незнакомым номером звонил уже третий раз.

— Добрый день, Ренат. Узнаете? Это Женя. Мы летели с вами до Дубая.

— Конечно, Женя. Вы уже вернулись? Ну как, нашли свою царицу?

— Не поверите: нашел. Зовут ее Халида. Ей семнадцать лет. Красавица. Вот прилетел вместе с ней, с родителями знакомить. На следующей неделе свадьба. Хотел вас пригласить. Вы ведь верили, что я найду ее. Так что, придете?

Я отвечал, что обязательно приду... В тот же вечер я сел на поезд и уехал в Казань. Зачем? По правде сказать, не знаю. Наверное, развеять хандру...

Послесловие

Недавно, перебирая книги, привезенные из Сомалиленда, я нашел в одной из них высохший листок *ката*. Я бросил его в стакан и терпеливо ждал, когда он превратится в противную темно-зеленую кашу. Потом выковырял его чайной ложкой и положил в рот. Я вспомнил Хаву, ее испуганные глаза во время нашей последней встречи, и громко засмеялся.

Правы сомалийцы: «Вспоминать ушедшую любовь — все равно что жевать прошлогодний *кат*». [НО]

Журнал «Новая Юность» можно купить здесь:

**Книжная лавка
при Литературном институте**
Тверской б-р, д. 25.
Тел.: (495) 694 0198.

Галерея книги «Нина»

* ул. Бахрушина, д. 28.

Тел.: (495) 959 2103, 959 2094.

* Старосадский пер., д. 9.

Киоск при Исторической библиотеке.
Тел.: (495) 621 4895.

* Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Киоск в Институте русского языка.

Киоск «Экспресс-Хроника»

Страстной бульвар, д. 4.

Тел.: 8 (916) 563 6864.

«Книжная лавка»

ул. Арбат, д. 20.

Тел.: (495) 691 7094.

Книжный магазин «Додо»

Рождественский б-р, д. 10/7.

Тел.: (495) 628 6738.

Книжный магазин «Джаббервоки»

ул. Покровка, д. 47/24, стр. 1.

Тел.: (495) 917 5944.

Книжный магазин «Циолковский»

Новая площадь, д. 3/4, подъезд 7д
Политехнического музея.

Тел.: (495) 628 6442.

Книжный магазин «Фаланстер»

Малый Гнездиковский пер., д. 12/27.

Тел.: (495) 629 8821, 749 5721.

Музей «Булгаковский дом»

ул. Большая Садовая, 10.

Тел.: (495) 775 9461.

Интернет-магазин «Лабаз»

magiclabez@dodo-space.ru

Тел.: (495) 628 6738.

Интернет-магазин «Политкнига»

zakaz@politkniga.ru

Тел.: (495) 543 8793, 605 0858.

Театр «Вернадского, 13»

пр. Вернадского, д. 13.

Тел.: (495) 930 8177.

Театр «Et Cetera»

Фролов пер., д. 2.

Тел.: (495) 625 2161.